

Отахон Латифи. Повесть о настоящем патриоте

В советскую эпоху журналистский талант и высокая нравственность сделали его символом справедливости, а в годы независимости его уличили во всех грехах, назвав оппозиционером и исламистом. Но и тогда, и сейчас имя Отахона Латифи у народа на устах. Если бы не трагически оборвавшаяся жизнь, сегодня, 18 марта, ему бы исполнилось 80...

Коммунист со школьной парты

Отахон Латифи родился в 1936 году в Пенджикенте и был единственным ребенком в семье. Его отец, Латиф Махмадкулов, был образованным человеком, работал в руководящих должностях. Отахон пошел в школу в 1943 году - тяжелое время Великой Отечественной войны, но отец забрал его с третьего класса и отдал в русскоязычную школу, поэтому ребенку пришлось заново учиться в первом. Есть в его биографии интересная деталь: немногие знают, что Отахон был единственным школьником в СССР, которого приняли в партию - потому что он спас народное добро, предупредив население о сходе мощного селевого потока. Это было в далеком 1956 году.

После окончания школы парень поступил в Ташкентский электротехнический техникум, но бросил учебу, так как не смог смириться с несправедливостью и вступил в конфликт с администрацией. Вернувшись домой, он работал арбакашем в колхозе, а еще через год поступил на факультет журналистики Ленинградского университета, который считался самым престижным в стране.

Возмутитель спокойствия

После окончания университета в 1963 году Латифи вернулся в Душанбе, но в газете «Комсомолец Таджикистана», где он проходил практику, выпускника центрального вуза на работу не взяли.

Поэтому некоторое время он проработал редактором в издательстве «Ирфон», а затем - инструктором в ЦК комсомола республики.

Но тяга к журналистике не давала покоя молодому коммунисту, и он начал писать. Через некоторое время его взял на работу в газету «Комсомоли Тоджикистон» редактор Абдулло Зокиров.

Журналист Саломиддин Мирзорохматов пишет, что его материалы буквально раздражали некоторых: «Потому что так, как писал Латифи, нельзя было писать. Но Отахон заявил о себе как о журналисте - молниеносно». Очерк «Памир без эмоций» сделал его собкором «Комсомольской правды» по Таджикистану и Узбекистану, а затем и Средней Азии.

Борис Панкин, советский и российский дипломат, журналист, министр иностранных дел СССР, вспоминает, что в бытность главным редактором «Комсомольской правды» он познакомился и подружился с Отахоном Латифи. «Он был возмутителем спокойствия, эдаким «ужасным ребенком», который живет по каким-то своим законам, нарушает правила игры, лезет куда не надо и тем самым мешает отцам народа беспрепятственно творить свою волю, а то еще и «под монастырь подводит».

В 70-е за весомый вклад в строительство Нурекской ГЭС О.Латифи был награжден орденом «Знак Почета» и ему было присвоено звание «Почетный гражданин Нурека». Немногие знают, что именно по инициативе журналиста была создана «рабочая эстафета», которая позволила молодежи досрочно сдать объект в эксплуатацию. А чего стоит его очерк «Плотина», где он убедительно доказал необходимость внести серьезные коррективы в проект строительства Рогунской ГЭС?

Журналист и писатель Мансур Сайфиддинов (Суруш) оценивает Латифи как умеющего глубоко «копать». Его побаивались, а некоторые обвиняли в отсутствии патриотизма. «Он тяжело переживал это. Каждый критический материал стоил ему дополнительных седин», - отмечает Суруш.

Управленец

В 1989 году на закате перестроечного периода О.Латифи перешел на работу в правительство - стал заместителем председателя Совета министров республики. Многие удивились его выбору, но, читая воспоминания об этом человеке, можно сразу понять - почему.

«Признаться, желания оставить журналистику у меня не было. Да и вначале я был категорически против административной деятельности. Но меня подкупило признание Каххора Махкамовича в том, что руководство республики на новом этапе ее развития стремится подобрать на руководящие посты кадры, способные и мыслить неординарно, и решения принимать нестандартные», - рассказывал он в интервью Х.Юсупову - корреспонденту газеты «Коммунист Таджикистана».

Новый зампред курировал работу 32 министерств, ведомств, общественных организаций и официальных комиссий, четырех творческих союзов, работу молодежи и исполкомов местных советов. Он сетовал, что ему приходится заниматься бюрократической работой. Он сожалел, что теряет много времени на такие вещи, когда нужно действовать.

Латифи был из тех, кто, будучи журналистом, поднимал вопросы возрождения национальных традиций, а став управленцем - воплощал это в жизнь. Именно в таких случаях говорят, что слово с делом не расходится. Возрождение Навруза, восстановление древних обычаев, строительство мечетей, проведение тематических культурных мероприятий на местах, а не в столице - это лишь маленький перечень того, что было сделано в те годы.

По словам доктора исторических наук, профессора Ибрагима Усманова, когда в правительстве обсуждался вопрос Конституции

Таджикистана, именно Латифи боролся за то, чтобы закрепить в ней понятие «светское государство». И даже в последующем, находясь «по ту сторону баррикады» в Комиссии национального примирения, он не был против светского общества; «он и сам всю жизнь был светским человеком», как отмечает Усманов.

Латифи и религия

Чиновник Латифи между тем считал, что заброшенные мечети надо реставрировать, а где их нет – строить, «чтобы удовлетворить духовную потребность людей». В то же время он отмечал, что не приемлет позиций тех верующих, которые выше всего ставят интересы мечети. Кстати, еще тогда, в конце 80-х, Латифи поднимал вопросы планирования семьи и упорядочения традиций, а чтобы это было доходчиво, прибегнул к помощи духовенства. К слову, разрешая строить мечети, одновременно он просил представителей духовенства строить школы для своих же детей. Латифи считал, что для поднятия экономики и культуры страны, в первую очередь надо развивать образование.

Что же связывало светского Латифи с лидером духовенства Ходжи Акбаром Турадзонзода?

«Я знал Латифи давно, но близко мы познакомились в 1989 году, когда он был заместителем председателя Совета министров, - пишет в своих воспоминаниях бывший глава казаята республики. - Мы с ним сотрудничали в вопросах регистрации мечетей, вместе участвовали в собраниях комитета по делам религий Совмина СССР в Москве». Потихоньку сотрудничество переросло в дружбу.

Но, разочаровавшись в бюрократической системе власти, Латифи ушел с государственного поста. После отставки он был избран председателем Союза журналистов Таджикистана.

По мнению И. Усманова, в начале 90-х стал слышен голос Латифи-коммуниста, который не хотел уживаться с бюрократической системой, с теми чиновниками, у которых были узкие и шовинистические взгляды. «Поэтому обращение таких прогрессивных людей, как О.Латифи, Д.Худоназаров, Б.Собир, М.Каноат, к религиозным течениям – неслучайно: не было объединения или организации, которая бы сплотила вокруг себя мыслящих людей с прогрессивными идеями, и их интересы совпали с интересами духовенства», - говорит он. Между тем историк считает, что здоровые идеи, которые озвучивала эта интеллигенция, находясь в составе оппозиционного демократического движения, не имели религиозного характера, поэтому европейские страны и международные организации потянулись к ним.

Таким образом, Латифи, к удивлению многих, сначала, сдав свой партбилет, вышел из состава коммунистов, а потом вошел в состав сформированного правительства национального примирения. «Я больше чем уверен, что несмотря на то, что руководители оппозиции ценили его высокий интеллект и нуждались в его советах, он среди них чувствовал себя чужим. В этом и заключалась трагедия Отахона Латифи», - считает Мансур Суруш.

Жизнь на чужбине

Потом начались, пожалуй, самые трудные годы его жизни. Кровавый механизм братоубийства был уже запущен, и остановить его уже никто не мог. Когда начались аресты и убийства, Латифи предупредили об опасности, и он вынужден был бежать. Вначале они с супругой почти год жили в Иране, потом перебрались в Санкт-Петербург, город своей молодости. Надо было как-то жить, Латифи поехал в Москву, чтобы попросить кого-то из друзей помочь с трудоустройством.

Журналист Дустмухаммади Дуст встретился с Латифи в Москве случайно, привел его к себе в квартиру. Рассказал, как таджикские беженцы в Москве создали фонд «Умед», который помогает им в поиске родных и в трудоустройстве. Он также передал Латифи стопку писем от таджикских беженцев в Афганистане, которые пришли в Фонд с просьбой передать их ярким представителям интеллигенции того времени – Мухаммаду Осими, Отахону Латифи, Акбару Турсону, Лоику Шерали...

- Когда Латифи начал читать первое письмо, по его щекам потекли слезы, - рассказывает Д.Дуст. - Когда он закончил читать все письма, его глаза загорелись от ярости, и он вдруг закричал на меня: «Я сто раз говорил вам, демократам, что от митингов не будет добрых последствий. Этот бедный народ просит меня помочь им. А что мы можем сейчас?!»

Потом спросил у Дуста, кого он знает в Москве из числа известных общественных людей республики. Он также интересовался, какие организации здесь могут организовать встречу между оппозицией и властями Таджикистана, стать посредниками. Наутро он возглавил фонд «Умед», а за месяц обошел десятки прежних друзей и знакомых, обил пороги нескольких правительственных кабинетов в Москве, убеждая российских чиновников, что беспорядки в Таджикистане касаются и национальных интересов России. Так Латифи снова вошел в политику, стал руководителем Координационного центра демократических сил, который объединил все прогрессивные оппозиционные силы в ближнем зарубежье и инициировал проведение межтаджикских переговоров.

Примечательный случай произошел в начале 1994 года, на первом раунде переговоров в Москве при участии главы МИД РФ А.Козырева. Тогда лидер оппозиции А.Турадзонзода не смог вовремя приехать на переговоры, поэтому от имени ОТО выступить попросили О.Латифи. Когда тот закончил выступление, к нему подбежали российские и зарубежные журналисты и попросили, как представителя официальной власти, сказать, готов ли Таджикистан пойти на мировую с оппозицией. Латифи улыбнулся и пояснил, что он выступал от имени той самой оппозиции, которая и жаждет урегулирования конфликта, а свой вопрос им следует адресовать другой стороне. Такая ошибка у журналистов возникла потому, что в его выступлении больше затрагивались общенациональные интересы, нежели интересы группы людей.

Родина

Разлуку с родиной он переживал тяжело. Поэтому, наверное, так активно включился в мирный процесс, став одним из главных действующих лиц на всех переговорах, завершившихся Общим соглашением о мире, подписанным в Москве. Когда он прилетел в составе Комиссии национального примирения в Душанбинский аэропорт, говорят, он - единственный - поцеловал родную землю.

В Комиссии национального примирения О.Латифи год проработал председателем подкомиссии по юридическим вопросам.

...Ранним утром 22 сентября 1998 года, когда Латифи вышел на улицу из своего дома, он был убит тремя выстрелами в сердце. Убийцы выявлены и понесли наказание, но заказчик до сих пор неизвестен.

...В 2000 году Отахон Латифи был посмертно награжден орденом «Шараф». Не будем говорить о том, где он ошибался, где падал, а где был и факелом. Это был человек мира, кому была дорогá, как своя, судьба Таджикистана.

Ему в жизни не хватало одного - времени. А после него нам, журналистам, не хватает гораздо большего: его профессионализма, преданности Профессии, его смелости.

По инициативе писателя с мировым именем Чингиза Айтматова в Бишкеке одна из улиц названа в честь О.Латифи, а у нас в городе, где он жил и творил, его имя предано забвению.

<http://news.tj/ru/node/223389>